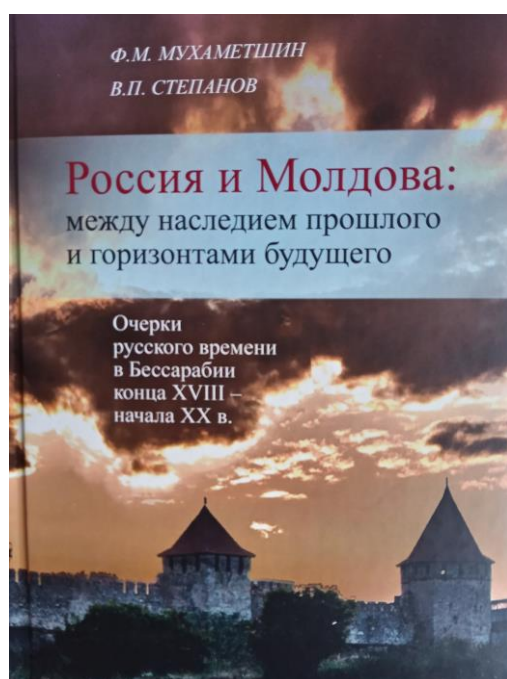

Пригарин А.,
доктор исторических наук, профессор кафедры
археологии, этнологии
и всемирной истории Одесского национального
университета им. И.И. Мечникова

Периферия как центр. Рецензия на монографию Мухаметшина Ф.М., Степанова В.П. Россия и Молдова: между наследием прошлого и горизонтами будущего (Очерки русского времени в Бессарабии конца XVIII – начала XX в.). – М.: Прогресс-Традиция, 2022. – 368 с.
ISBN 978-5-89826-666-0

ISBN 978-5-89826-666-0

Alexandr Prigarin,
Doctor of History, Professor of the
Department of Archeology, Ethnology
and world history of the Odessa National
University. I.I. Mechnikov

Periphery as center. Review of the monograph Mukhametshin F.M., Stepanov V.P. Russia and Moldova: between the legacy of the past and the horizons of the future (Essays on the Russian time in Bessarabia in the late 18th - early 20th centuries). – М.: Progress-Tradition, 2022. – 368 p.

Рецензия на монографию Ф. М. Мухаметшина и В. П. Степанова, посвященную изучению взаимоотношения России и Молдовы в период конца 18 - начала 20 веков.

Review of the monograph by F. M. Mukhametshin and V. P. Stepanov, devoted to the study of relations between Russia and Moldova in the past and future.

Получив эту книгу в обстоятельствах нарастающей агрессивности вокруг, в обществе, потерявшем привычные ориентиры, я схватился за этот текст с радостью: стабильность продуцирования научных смыслов оказывается более устойчивой, чем психика отдельной личности. Рукопись смотрел в обстоятельствах спокойных, обсуждал с одним из авторов в

преддверии чего-то масштабного, а уж само издание рисковало потеряться в суете «взрыва повседневности» ...

Однако, не потерялось, уверен! Равно как и актуальность задумки, стиля его реализации и достойного обеспечения эмпирической составляющей оригинальных концептуальных версий. Жанр рецензий предполагает критическое отношение к тексту и изощрения в сторону авторов. Находясь в плену у такой позиции, сложно выразить все достоинства данного издания: надо выискивать слабые места и нестыковки идей. Однако, даже в рамках такого подхода сложно не отметить смелость, аргументированность и выразительность авторской позиции. Рассмотрение русского / российского периода в истории Бессарабии – не новая тема для истории, уходящая истоками в рефлексии современников (например, И.С. Аксаков или Л.С. Берг, а также ряд других авторов, публикации которых анализируют авторы). Своеобразные нотки конъектурного звучания этой направленности получили свое отображение в работах «румынского» и «советского» периодов.

В этой историографической традиции «прибыло»: в руках фолиант о конструкциях общественного сознания и моделях взаимодействия, а также их формировании, бытовании и восприятии(ях). На таком серьезном теоретико-методологическом уровне был проведен анализ русско-молдавского взаимного узнавания и признания. И, хотя книга базируется на широком историографическом опыте, книга не только о нюансах его развития. Отталкиваясь от подобного интеллектуального ландшафта, ученые обратились к «антропологии массовой культуры» в Бессарабии российского времени. У них отдельные идеи всегда подвергаются виртуозному анализу с точки зрения народных представлений: как элитарные идеи были «подсмотрены» в повседневности, получили этнографическое функционирование и были со временем развиты в доктрины, концепты и стереотипы.

Это, пожалуй, составляет оригинальную основу (естественно, для читателей) книги. В ней демонстрируется как литературизация фольклора и, одновременно, фольклоризация литературы. Взяв многоликое население Бессарабии, целый ряд авторов, по сути, «создал» свои лики «этнорегиональной идентичности» (удачный термин Ф.М. Мухаметшина и В.П. Степанова). Безусловно, что молдаване отличались от русинов, украинцы от русских, а они все вместе – от евреев. Жизнедеятельность этих народов выступала важной средой для институализации образа, формализации этнонимов и функционирования самобытностей. Однако, какие и в каком комплекте эти черты выступали «востребованными» во внешних картинах приезжей и местной элиты? Что из подобных описаний стало проформой внутреннего структурирования народов или, наоборот, эксплуатировалось наблюдателями извне?

Отметим, что представленный в книге историографический анализ строится на изучении творчества одних и тех же авторов, оставивших свои наблюдения о народах живших и осваивавших Бессарабию на разных

этапах освещаемого в монографии времени. Подобный подход позволил продемонстрировать не только многоликость Бессарабии, наряду с этим, обращает на себя внимание еще один подчеркиваемый авторами книги нюанс – в изучаемое время произошло, по сути переформатирование населения края: оформились колонии задунайских и варшавских колонистов, осуществлялась миграция населения из внутренних регионов России.

В монографии определяются этапы и векторы подобного конструктивизма, подчеркиваются особенности восприятия и характеристики культурно-бытовых особенностей молдаван (в контексте «волохов» и «румын»), украинцев и русинов (аргументировано встраиваясь в диахронную дискуссию), русских и старообрядцев, евреев и др. Изучение регионализации этничности сочетается в научном труде с этнизацией территориального сообщества.

И тут, проявляется основное (на наш взгляд) методологическое достоинство работы. Это не простая трансляция романтического или колониального стиля фактов прошлого, взятых из многочисленных историографических источников. Хотя и воссоздание в аналогичной дихотомии сюжетов развития народов Бессарабии (безусловно, имеющееся в тексте), с компаративным обозначением специфики писем – уже было новаторством и, даже – избыточным, исходя из скромных задач книги. Излагая этнокультурные концепты Бессарабии, ученые применяют подход «интерпретативной антропологии» или «постколониального письма». Они анализируют, описывают и характеризуют тексты в контекстуальных полях прошлого, настоящего и... будущего. Подобный функциональный анализ опытов бытования, действительно, позволяет наметить потенциал и перспективы устойчивости этнонимов и смыслов в футуристическом ключе (справедливо и амбициозно это отмечено даже в названии монографии).

Находясь на интеллектуальной растяжке «Россия и Молдова», наши коллеги ищут выход в семантике «Бессарабии». Это, кстати, и основное полемическое поле книги Ф.М. Мухаметшина и В.П. Степанова. Во-первых, формальные претензии по поводу «Буджака», которому порой отводится периферийная роль в общерегиональных процессах. А тут, уверены, сыграл роль «региональный колониализм», когда условный центр присваивает свои переходные формы фронтиров и не позволяет рассмотреть вариативность и субъектность этих пространств (приведу не политкорректный пример с «казачеством», которое в украинской историографии из периферийной и маргинальной темы стало мейнстримом и «подмяло» под себя, порой, иные варианты «украинства»).

Во-вторых, дискуссию можно продолжить по сути подхода и условной модернизации терминов. «Россия и Бессарабия», не согласны? И эмпирический материал, и обобщения строятся вокруг исключительности и самобытности именно этой части Российской империи. Семантика «Молдавии» касается либо прежних исторических периодов, либо,

наоборот – последующих. Это можно было бы считать придиркой схоласта, если бы не блестящие ретроспективы и перспективы, выходящие за хронологические рамки по всему тексту. Подобный подход позволил сконструировать анализ прошлого ради выявления будущих перспектив.

Отдельные слова признательности стоит сказать о второй части монографии, в которой этнокультурное многообразие региона выстроено не как эклектика прошлого опыта, но и как синтетическая данность региона. Именно конструктивистская метода позволила воссоздать «примордиальную» общественную среду. Помню, как с одним из авторов (В. П. Степановым) много лет назад обсуждалась возможность такого подхода в контексте создания «Многоликой Молдовы» (жаль, что такой масштабный проект не был реализован). Тогда меня убедил оптимизм редактора, который видел потенциал для субъективистски-объективного подхода в аналогичном описаниях и реконструкциях. Однако, даже тогда был скепсис в реалистичности результатов. Теперь увидел, что зря сомневался.

Сознательно избегал в этом жанре подробных этнокультурных характеристик, представленных в работе. Выразительность отдельных групп и общностей, которыми изобилует книга (мало того, они выступили ее структурообразующими компонентами), подчеркивает эмпирическую фундаментальность работы и, вместе с тем, создают определенную «западню» для читателей. Так хочется оттолкнуться от «своего», что редко кому удастся избежать соблазна начать знакомство именно с таких краеведческо-романтических аспектов. Я бы советовал стремиться избежать этого прагматического подхода при знакомстве с данным текстом. Исключительно в сравнительно-исторической перспективе он предоставляет глубину идей, и их воплощения, и позволяет вывести локальность/региональность на высокий уровень концептуализации.

Безусловно, что разный читатель неоднородно встретит это оригинально задуманное, тщательно проведенное и смело проинтерпритированное исследование. С его результатами поздравить не только ученых, но и будущих реципиентов академического письма.